

*Ольга Павляк
(Калининград)*

**ЗАГЛАВИЕ И ТЕКСТ
В ДУХОВНЫХ «РАЗМЫШЛЕНИЯХ»
М. В. ЛОМОНОСОВА**

Название и текст духовных «Размышлений» Ломоносова рассматриваются в системе единого смыслового контекста. Роль заголовка определена в связи со структурно-семантической основой поэтического сюжета.

Ключевые слова: *литературоведение, русская литература, поэзия, заглавие, текст, Ломоносов, ода.*

Вопрос о роли заглавия в художественном тексте оказался в поле интереса филологов еще в начале XX века. Особые традиции в изучении заглавия сложились и в языкознании — в самом общем виде это касалось его грамматической оформленности, синтаксической организации, функциональных особенностей и структурно-семантической соотнесенности с текстом. Феномен заглавия и его функции в контексте целого произведения в художественной словесности не обошло вниманием и литературоведение. В числе первых к этой проблеме обратился С. Д. Кржижановский, который определил заглавие как «один из важнейших элементов смысловой и эстетической организации художественного текста» [3, с. 3]. В его трак-

товке книга — это «развернутое до конца заглавие, заглавие же — стянутая до объема двух-трех слов книга. Или: заглавие — книга *in restricto*²; книга — заглавие *in extenso*³» [3, с. 3]. Ю. М. Лотман отмечал, что заглавие и художественный текст «с одной стороны, могут рассматриваться как два самостоятельных текста..., а с другой, ... как два подтекста единого текста. <...> В результате возникают сложные смысловые токи, порождающие новое сообщение» [4, с. 129–132]. В. И. Тюпа указал на манифестирующую роль названия; в его понимании название — это «привилегированная и вынесенная вовне часть художественного целого» [6, с. 116].

Очевидно, что функциональная роль названия может быть представлена более убедительно, если лингвистические и литературоведческие подходы будут объединены. С этих позиций предлагается рассмотреть заголовки духовных «Размышлений» Ломоносова и их роль в эстетико-семантической целостности данных стихотворений. В своих поисках мы исходим из теоретического положения о том, что название и текст — части общего художественного контекста, наделенные определенной самостоятельностью, взаимонаправленно влияющие друг на друга.

В поэзии Ломоносова жанр оды занимает центральное место. В собраниях сочинений поэта они обычно подразделяются на два класса — «похвальные» и «духовные», дополнительная жанровая рубрикация, безусловно, маркирует смысловые канонические возможности, характерные для этих стихотворений. Репрезентативную роль жанровой кодификации поддерживает и название, конкретизируя содержание предстоящего поэтического текста.

Названия похвальных од Ломоносова, в соответствии с традицией, обращены к царствующим особам и фиксируют событие, внешнее по отношению к автору: «Ода на победу...», «...на восшествие...», «...на прибытие...» и т. д. Что касается духовных од, то это по большей части переложения псалмов, и они имеют названия, четко закрепляющие их духовно-поэтический статус. Таково, например, «Преложение псалма 26». В этот же раздел попадают оды «Утреннее размышление о Божием Величестве» и «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния», представляющие собой оригинальные тексты духовного содержания.

Как известно, название во многом определяет ход развития сюжета, что особенно характерно для классицизма, эстетическая программа которого зиждется на строгом соблюдении художественных канонов.

² *in restricto* — в сокращенном виде (лат.).

³ *in extenso* — в расширенном виде (лат.).

Ничего лишнего, малосущественного и тем более случайного в произведении не допускалось, нарушение правил воспринималось как посягательство на искажение самого миропорядка. Принципы строгой регламентации не могли не коснуться и номинации текста. Автор, принадлежащий к этой эпохе, стремился к четкому наименованию своего произведения, заголовок и текст не входили в противоречие, строго соотносясь друг с другом.

В случае с Ломоносовым дополнительный нюанс вносит и то, что перед нами не просто поэт-классицист, но также ученый, человек с особым складом ума, для которого четкая постановка задачи, даже если она поэтическая, может играть особую роль. Итак, «Утреннее размышление о Божием Величестве» и «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае северного сияния». В обоих этих названиях есть жанровое определение — «размышление». В философском контексте оно маркирует тип рефлексии, для которого характерно созерцание уже признанной истины. Жанр размышления был довольно распространен в поэзии XVIII века, хотя и не столь широко. Ломоносов определил жанр своих стихотворений как «ода», а в название ввел уточнение — «размышление», что, с одной стороны, объединяет признаки двух жанров, а с другой — конкретизирует жанровые возможности этих поэтических форм.

Обратим внимание на само слово «размышление». Оно фиксирует процесс в фазе развития, а не окончательного итога («рассудить внимательно, разбирать... углубляться во что умом, мыслью» [1, т. 3, с. 475]) и, следовательно, запечатлевает сам механизм познания. Интересно, что в словаре В. И. Даля «задуматься мыслью» стоит в одном ряду со словом «мечтать» («размыслиться, за(раз)думаться, мечтать, углубиться думою»), которое означает игру воображения. Мечтать — «представлять себе то, чего нет в настоящем» [1, т. 2, с. 274]. Таким образом, само слово, выражающее суть внутреннего движения авторского сознания, включает в себя, казалось бы, разнонаправленные действия: «внимательно разбирать» и «играть воображением». Первое свойственно научному познанию, второе — в большей мере художественному, поэтическому. Разумеется, перед поэтом не стояла проблема научного познания в прямом смысле этого слова. Речь в данном случае идет о познании непознаваемого — Бога, и тем не менее сам подход «внимательного разбора» свидетельствует о серьезности и глубине внутренней работы автора. Название фиксирует движение его мысли, в котором нет конечной точки, что абсолютно соотносится с результатом этого движения: нельзя постичь Бога во всей полноте. Творец познается через творение. Размышление о Боге — это путь, развернутый

в поэтический сюжет. Принципиальная незавершенность этого пути подчеркивается словом «Величество», что укрупняет масштаб цели познания.

В обеих одах автор указывает время размышления: утро – вечер. Заметим, не день или ночь, а именно утро и вечер. Очевидно, что автору важен момент перехода от одного состояния к другому: от начала дня, от первого луча света, до его угасания.

Мотив света, имплицитно заявленный в названии, начинает разворачиваться в полнокровный образ с первой строки «Утреннего размышления о Божием Величестве»: *«Уже прекрасное светило // Простерло блеск свой по земли»*. Временное наречие «уже» фиксирует момент свершения некоего действия и создает ощущение наступившего преобразования, связанного с появлением первых лучей солнца. И далее все картины пронизаны светом. В каждой строфе «Утреннего размышления» мотив света реализуется прямо или опосредованно, через разнообразные словоформы: в 1-й – «светило», «блеск», «ясные лучи», во 2-й – «солнце», «горящий Океан», в 3-й – «огненные валы», «пламенные вихри», в 4-й – «искра», «пресветлая лампада», в 5-й – «от мрачной ночи свободились... и взору... открылись», в 6-й – «светило дневное блистает», «светлость твоих очей», в 7-й – «премудрости лучи».

Ода «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния», хотя и была написана первой, но во всех собраниях стихотворений писателя, включая прижизненные, размещалась после «Утреннего размышления...». Конструкция названия, в которой зафиксировано время (вечер) и обозначена сущность поэтического события (размышление о Божием Величестве) уже была найдена, при этом в номинации «Вечернего размышления...» было также заявлено условие лирического переживания – «при случае великого северного сияния».

Интересно, что в первоначальном варианте оды (1743) заголовок начинался с предлога: «О вечернем размышлении», но в 1751 году Ломоносов его убрал. Эта правка позволила автору точнее выразить суть лирического события, в котором главное не мысли о размышлении, а само это размышление, т. е. движение мысли как таковое, движение, в котором нет конечной точки.

Что же касается обозначения времени лирического переживания (утро – вечер), то оно отображает концептуальное и религиозное по своей сути положение о принципиальной невозможности окончательного постижения Бога. Утро – начало дня, вечер – начало ночи; фиксация именно начала, а не конца размышления ассоциативно указывает на процесс его незавершенности. Однако еще более важным представляется то обстоятельство, что и утро, и вечер исключают отсутствие света.

Эта эмпирически точная картина наполнена метафизическим смыслом. Свет никогда не покидает мир, созданный Богом. Как только «склоняется» луч дневного света, начинают светить звезды и ночь «покрывает» землю, открываются новые миры. Изображая картину подобного планетарного размаха, Ломоносов использует тонкие смысловые сдвиги, используя глаголы с одной грамматической основой «крыть, крою» для обозначения противоположных действий: «Лице... скрывает день / ...покрыла ночь (поля) / ...открылась бездна звезд полна». От той же основы, что и основа глагола *крыть*, но на иной ступени чередования образовано слово *кров* («жилье, скривище»), *покров* («заступничество, спасение») [1, т. 2, с. 165], *откровение* (суффиксальное производное (суф. -иј-) от *отъкровень* — «открытый, откровенный», страдат. причастия прошедшего времени от *открыти*) [7, с. 318]). В данном случае все смысловые нюансы входят в некий семантический ореол названного действия, объединяющего в единый поэтический комплекс эмпирическое событие — смену времени суток — и событие метафизическое — преобразование тьмы под воздействием Света. Приставки в словах *скрыть*, *покрыть* и *открыть* позволяют на словообразовательном уровне разграничить принципиально важные, наделенные сакральным смыслом явления *света* и *тьмы*, а общая основа (-кры-) подчеркивает неделимость Божественного мира, в котором день и ночь, продолжая друг друга, образуют темпоральную целостность. Таким образом, общая грамматическая основа подспудно обнаруживает глубочайшую связь явлений и их взаимообращенность.

Рядом со словом «Величество», которое, как уже говорилось, укрупняет цель этого внутреннего движения, во второй части названия «Вечернего размышления» звучит слово «великий» («великое северное сияние»), которое также появилось в результате авторской правки в 1751 году. *Величество* и *великий* — слова, образованные от одного общеславянского слова *велиий* («большой»). В словаре В.И. Даля они помещены в одну словарную статью и значат: *величество* — «превосходство, величие», *великий* — «превышающий обычную меру, сравнительно с другими обширный, большой» [1, т. 1, с. 162]. В очень небольшом семантическом пространстве, выраженные через одну смысловую основу, сталкиваются две абсолютно несоизмеримые семантические величины. На фоне лексического сходства тем более очевидно различие содержаний, которые эта основа выражает: *Величество* — Божие, а *великое* — северное сияние. Божие *Величество* — это духовная истина, воплощенная во всей полноте жизни, а *великое* северное сияние, хотя и превышает «обычную меру», все же представляет собой одно из явлений подобного рода (таковы, например, радуга, шаровая молния, всполохи зарниц и т. д.). Постижение *Величества* — это бесконечный духовный путь, а постижение *великого* — конкретный науч-

ный поиск. Заглавная буква в первом случае не только выражает религиозное почтение автора, отвечающее случаю, но и указывает с помощью графики на несоразмерность величин, составляющих объекты его философской рефлексии.

Вторая часть названия, оговаривающая условие «размышления» — «при случае северного сияния» — во многом определила и сферу исследовательского интереса к этой оде. На протяжении многих десятилетий она рассматривается как художественное произведение, в котором зафиксировано научное постижение загадочного физического явления, при этом собственно художественные достоинства этого стихотворения, а уж тем более его религиозно-этическая сущность оказывались вне научного интереса. Таким образом, «размышление» о Боге здесь отодвигалось на второй план, а цель — богопознание — и условие, при котором оно возможно, словно менялись местами...

Ломоносов действительно был свидетелем происшедшего в Петербурге аномального природного явления, что могло навести на размышление о его божественной сущности. Однако заметим, что интерес к физической стороне северного сияния проявился у Ломоносова в ранней юности, еще в те времена, когда он рыбачил в водах Ледовитого океана, и сопутствовал всей его жизни. В оде он лишь запечатлел свое «давнейшее мнение, что северное сияние движением эфира произведено может» [2, т. 3, 121], а спустя годы Ломоносов вернется к этой проблеме в своем исследовании, имеющем название «Слово о явлениях воздушных».

Конечно, ода отражает результаты научного поиска, и даже достаточно точно, но не этот результат является тут главным — наблюдение необычного физического явления ведет к размышлению о его метафизической сущности. Северное сияние не причина, а лишь повод для лирического рассуждения о «Божием Величестве», что отражает и иерархия словоупотребления в структуре названия. Оно начинается с обозначения сути внутреннего переживания: «Размышление о Божием Величестве», а не с фиксации условия его протекания — «северного сияния». Было бы некорректно отвергать важность этого элемента — речь идет об идейных доминантах.

В оде «Утреннее размышление о Божием Величестве» никаких условий для эмоционального переживания истины о Божием Величестве как будто бы нет, что не мешает эту истину, тем не менее, отстаивать на протяжении всего сюжета. Возможно, в этом и кроется ответ на вопрос, почему «Утреннее размышление» в собрании своих сочинений Ломоносов поставил перед «Вечерним...». На самом деле автору важно было подчеркнуть, что «размышление о Божием Величестве», прежде всего, — постоянное состояние, не зависящее от каких бы то ни было условий.

Между *Величеством* Бога и *величием* северного сияния есть глубокая онтологическая связь, и она проявлена в стихах Ломоносова на лексическом уровне. Обратимся к смысловым дефинициям слова *сиять*: «ярко блистать, светить лучами, светом, огнем; издавать свет или ярко и лучисто отражать его» [1, т. 4, с. 63]. Следовательно, *сиять* — это и светить, и отражать свет. Наблюдая за «чудом» природы, автор обращается к раздумьям о величестве Творца, который этот мир создал, и «чудо» становится доказательством Его *Величества*. В христианском миропонимании Бог и есть Свет. Так, Евангелист Иоанн, говоря об Иисусе Христе, свидетельствует: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1:6). Северное сияние в аспекте христианской метафизики можно рассматривать как «победу света над тьмой». Русский православный философ Евгений Трубецкой, размышляя о Божественном Свете, писал: «Победа света над тьмой <...> должна выражаться не в простом устранении тьмы, а в том, чтобы сопротивляющаяся свету темная среда сама стала средою откровения заключающихся во свете положительных возможностей. Образом этой победы <...> является радуга, и не она одна. Религиозная интуиция открывает ее в самых разнообразных световых явлениях — и в звездном сиянии, и в лунном свете, и в утренней заре, и в солнечном закате» [5, с. 186]. Смеем предположить, что северное сияние принадлежит к этому же ряду «световых явлений». В этом случае вывод, который делает Е. Трубецкой, может быть отнесен и к картине, изображенной Ломоносовым: «Эти явления в нем [христианстве] рассматриваются не как *непосредственные воплощения Божества* (курсив Е. Н. Трубецкого), а как отражения, отблески иного, потустороннего неба» [5, с. 186]. Таким образом, в тексте оба значения слова *сиять* (светить и отражать) являются идейно значимыми: свет северного сияния отражает Свет Создателя. Кроме того, следует заметить, что «северное сияние» появляется не просто на ночном небе, но на небе звездном, т. е. уже освещенном. Ср.:

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чорна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна [2, т. 8, с. 121].

Название оды становится своего рода программой, последовательно разворачивающейся в ее сюжете, и каждый сегмент этого названия имеет свой «вектор развертывания». «*Размышление...*» задает тон поступательному движению сюжета, что находит выражение в последо-

вательной смене эмпирических картин и умозаключений; «Божие Величество» — суть и центр этого движения, «утро» и «вечер» — его темпоральные точки отсчета. В целом «Размышления» — это эмоциональное переживание абсолютно известной автору истины о безграничном «величестве» Творца. Цель автора — провозгласить эту истину, сделать ее зримой и наполненной жизнью. Слияние двух од в целостный смысловой контекст предопределено парностью заголовков, построенных по аналогичной модели, и подтверждается в ходе развития лирического сюжета, складывающегося в единую картину тотального торжества Божественного света как в физическом, так и метафизическом смыслах.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2001.
2. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М., 1931.
3. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. : в 11 т. М. ; Л., 1959.
4. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1.
5. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 2000.
6. Тюпа В. И. Аналитика художественности. М., 2001.
7. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Olga Pavlyak

THE TITLE AND TEXT IN M. LOMONOSOV'S SPIRITUAL "MEDITATION"

The title and text of Lomonosov's spiritual Meditation is considered within the system of an integrated context of meanings. The role of the title is identified through its connection with the structural and semantic framework of the poetic plot.

Key words: *literary studies, Russian literature, poetry, title, text, Lomonosov, ode.*